

"Помогать мне или нет, это твой выбор, старший Чжоу. Какое отношение это имеет ко мне?" холодно сказала Цзян Руолан.

Старший Чжоу был недоволен ее безразличным отношением, но он лишь вздохнул. "Ты действительно считаешь меня дураком? Даже если ты этого не говорила, я знаю об этом. Кто-то пытался разлучить мать с ее драгоценной дочерью и пытался что-то подстроить в отношении ее дочери. После стольких лет никто не пытался доставить неприятности семье Цзян, но на этот раз их семья внезапно оказалась в беде. Я знаю, что это все благодаря Цзыхао. Я очень хорошо знаю его характер. Если бы Цзян Бинцин не разозлила его, он бы не стал так с ней обращаться".

"Дитя, скажи мне правду. Что на самом деле произошло между тобой и семьей Цзян? Раз Цзян Гуаньюй - твой отец, почему он ничего не сказал о тебе, когда я пришла к семье Цзян? А когда я упомянул о тебе, почему Чжан Лянь избегал этой темы?" Старший Чжоу сузил глаза и посмотрел на нее с серьезным выражением. "Вчера я встретил человека в тюрьме. Его зовут Вэй Донхай".

Цзян Руолан вдруг почувствовала себя очень неловко. Она нахмурилась и холодно посмотрела на старшего Чжоу.

Старший Чжоу лишь слегка рассмеялся: "Если я не ошибаюсь, человек с фамилией Вэй также связан с семьей Цзян. Вэй Донхай будет приговорен к смерти в следующем месяце, но новости о нем были очень плотно запечатаны."

"Я вижу, что, чтобы не тревожить твои эмоции, Цзыхао полностью вычеркнул этого ублюдка из твоей жизни. Я не намерен позволять ему прикасаться к тебе, и Зихао защитил тебя очень хорошо. Руолан, если ты не хочешь признать меня своим дедушкой, то хотя бы расскажи мне, как Цзян Гуаньюй предал мою дочь, как семья Цзян издевалась над тобой, моей внучкой, и как Цзян Бинцин заставил тебя так жить".

Цзян Руолан не ожидала, что Вэй Донхай был арестован. Она удивленно посмотрела на Сянь Чжихао. Он ничего не сказал, а лишь мягко улыбнулся ей.

Она знала, что старший Чжоу был прав. Сянь Чжихао очень хорошо защитил ее. Он позволил ей забыть обо всем понемногу, а также сделал так, чтобы люди, причинившие ей боль, исчезли до того, как она узнает об этом, чтобы у нее не осталось слишком много воспоминаний.

По тому, как старший Чжоу произнес эти слова, было понятно, что он использовал специальный канал для расследования многих вещей и лишь попросил у нее подтверждения.

"Что касается Цзян Бинцина, если ты хочешь помочь семье Цзян, то, пожалуйста, сделай это. У семьи не так много справедливости, чтобы о ней говорить. У вас много прав, вы можете освободить кого-то просто потому, что хотите. Возможность получить вашу помощь - это тоже удача семьи Цзян, поэтому я не буду вмешиваться. За всю свою жизнь я никогда не заблуждался, что она действительно пожнет последствия. У семьи Цзян есть люди, которые защищают их и помогают им. Теперь, когда ты тоже пришла спросить моего мнения, что еще я могу сказать?"

Цзян Руолан не хотела ничего говорить о Цзян Бинцине.

То, что с Цзян Бинцином разобрались или отпустили, не имело к ней никакого отношения. Сянь Чжихао много сделал для нее, и она была довольна этим. Однако, если старший Чжоу будет настаивать на вмешательстве, она не хотела, чтобы ее муж пошел против него без причины, и

не хотела создавать ему проблемы (Сянь Чжихао).

Независимо от того, что думал Сянь Чжихао, Цзян Руолан не хотела создавать ему дополнительные проблемы.

"Ты думаешь, я действительно хочу спасти эту злобную девчонку?" Старший Чжоу нахмурился. "Руолан, ты пытаешься разыграть меня?"

В этот момент тон старшего Чжоу был немного взволнованным: "Чжоу Цинлин все-таки моя дочь. Как я могу причинить тебе вред? Маленькая девочка, ты..."

"Конечно, ты не причинишь мне вреда. Даже если ты хочешь причинить мне боль, сейчас самое время это сделать. Чего мне бояться? Чжоу Цинлин решила не видеть тебя до конца своих дней, так почему я должна быть связана с тобой? Старший Чжоу, ты должен вести себя хорошо!"

"Ты!"

Старший Чжоу был в ярости.

"Старший Чжоу, пойдем поболтаем". Сянь Чжихао заговорил в нужное время. Его голос был легким, но он успешно подавил гнев старшего Чжоу. "Руолан спешила все утро, чтобы попасть сюда. Пусть она немного побудет с матерью".

Старший Чжоу нахмурился, но больше ничего не сказал. Он повернулся и последовал за Сянь Чжихао.

Перед уходом Сянь Чжихао легонько похлопал Цзян Руолан по плечу, чтобы успокоить ее. Цзян Руолан поняла его и постаралась улыбнуться ему.

Когда они вышли с кладбища, Цзян Руолан глубоко вздохнула и некоторое время стояла в тишине.

Она уже собиралась убрать надгробие Чжоу Цинлин, как вдруг поняла, что об этом месте, похоже, кто-то позаботился. Более того, перед надгробием что-то лежало, и с первого взгляда она поняла, что это точно не оставил старший Чжоу.

Это была горсть свежих белых лилий, а посреди дождя и ветра перед надгробием стояли две полупотухшие белые свечи. Под свечой лежали не до конца сгоревшие листки бумаги.

Лицо Цзян Руолан потемнело, когда она взяла в руки лист бумаги. Из-за того, что лист бумаги сгорел не полностью, его ширина составляла всего два-три сантиметра. Бумага намокла от дождя и прилипла к столу перед надгробием. Слова на бумаге были размыты, но можно было понять, что бумага заполнена словами, как письмо.

Ей было трудно понять, что это за слова, а поскольку бумага также промокла от дождя, она была очень расплывчатой. Было неясно, что это за слова, но эти слова были похожи на жертвенный сценарий. Скорее всего, их могла использовать только женщина.

А эти лилии, эти две аккуратно зажженные белые свечи.

Цзян Руолан и Цзян Ицзюнь были единственными, кто убирал могилу Чжоу Цинлин. Цзян Гуаньюй убирал ее всего два раза за дюжину лет и больше сюда не приходил.

Он ненавидел отдаленность этого места и то, что Чжан Лянь была недовольна тем, что он подмел могилу Чжоу Цинлин.

Поэтому, хотя каждый год, когда они с Ицзюнь приезжали, они избегали приходить утром, чтобы не видеть людей, которых они не хотели видеть, но в душе все знали, что Цзян Гуаньюй вообще не придет.

Однако, учитывая характер старшего Чжоу, он никогда бы не послал своей умершей дочери такой заботливый букет лилий. Более того, Цзян Руолан видела, как писал старший Чжоу. Его почерк отличался аккуратностью и темпераментом солдата.

Эти свечи и бумаги определенно не были тем, что написал старший Чжоу.

Это определенно не могло быть оставлено Ицзюнем, потому что его каллиграфия была другой.

То есть, кроме этих людей, были и другие, кто уже бывал здесь раньше, и это была женщина.

Цзян Руолан держала в руке лист бумаги и смотрела на свечи и лилии на земле. Она медленно встала и огляделась. Обычно на этом кладбище не было людей, но по случайному совпадению вдалеке перед надгробием сидел кто-то в черной одежде в инвалидном кресле с зонтиком.

Цзян Руолан не понимала, что перед надгробием на кладбище недалеко от нее стоит еще один человек. Она оглянулась на улицу и подумала: "Этот человек, должно быть, уже ушел".

<http://tl.rulate.ru/book/74099/2533104>